

«Консервативный поворот» в образовании

Максимальное участие государства в образовании

Когда с восшествием на престол Александра I в «Негласном комитете» взялись за обсуждение проектов об учреждении особого министерства по части образования, то, сходясь в признании необходимости центрального органа, члены комитета расходились как в детализации его функций, так и в именовании данного вида деятельности: министерство общественного *воспитания, образования, просвещения*? Но этот, казалось бы, сугубо технический процесс называния впоследствии получил идеологическое измерение. После манифеста от 13 июля 1826 года по поводу приговора участникам тайных обществ, где молодежь предостерегалась от опасности, грозящей ей от «своевольства мыслей» и «пагубной роскоши полупознаний», во избежание повторения подобных событий впредь, начинается изменение всей системы воспитания и обучения, особенно касающейся высшего сословия, в частности, гимназий. Группе лиц было предложено представить на высочайшее рассмотрение свои соображения о воспитании юношества. Среди исполнивших данное поручение был Перовский, который подал записку «О народном просвещении в России». Он отметил, что *те же самые правила, которые могут возвысить одно государство, служат к потрясению другого*, на иных основах утвержденного, и что *система народного просвещения должна быть применена к системе правительства*. Свои соображения на эту тему представил среди прочих и поэт Пушкин, и журналист Булгарин... Но особый интерес представляет одна санкционированная последним публикация, содержащая не просто *этимологические* изыскания, а выражение *политических* реалий: каких принципов следует придерживаться при формировании программы в области образования и воспитания. Для этого нам необходимо раскрыть один из номеров «Северной пчелы» – литературной и политической газеты, которой, кстати, единственной доверили напечатать поименный список приговоренных к смертной казни декабристов и обвинительное заключения по их делу.

В начале февраля здесь публикуется заметка С.М. Усова под заголовком «Просвещение и образованность». Данная публикация примечательна прежде всего уточнением значения слов в политическом контексте и выражает позицию не только автора (он здесь лишь «перо в руках» редакционного начальства), а Булгарина, всецело контролируемого властью и отражающего исключительно правительственную позицию. Кстати, автор заметки, Степан Михайлович Усов, и сам был безусловно предан государю и отечеству: из крепостных, поступив в университет вольнослушателем, он заканчивает его со званием действительного студента по философско-юридическому факультету, благодаря чему по-

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vanchugov@gmail.com

лучает чин XIV класса и встает на первую ступень согласно «Табели о рангах», выйдя из податного сословия... Следовательно, статью писал не просто человек образованный, но и преданный государству за дарованную ему свободу, готовый отныне служить верой и правдой. Так вот, в той заметке выявляются значения понятий *просвещенный* и *образованный*, которыми обычно обозначают полезные и приятные для общества типы граждан. Но так ли это на самом деле? С одной стороны, действительно, просвещение и образованность есть две стези, которыми человек достигает высочайшей степени совершенства. Однако в свете декабрьских беспорядков 1825 года следует определиться и с этими «стежями», и со смыслом употребляемых слов. Дело в том, замечает Усов, что у нас часто называют просвещенным того, кто всего *лишь образован*. Отчего это происходит? От неясного определения слов. Исходя из собственного понимания этимологии, автор статьи полагает, что «просвещенный» означает человека, «проникнутого светом», а «образованный» – это человек, «принявший сам собою или через других образ с чем-либо сходственный». Говоря другими словами, первый тип – подлинный, второй – лишь подобный. Выстраивая оппозицию «просвещенный» – «образованный», Усов сразу же дает понять, что есть лучше: просвещенный человек, «озаряясь светом истинного познания, разгоняющего тьму невежества и предрассудков, видит истинное достоинство вещей, знает свое назначение и потому судит выше обыкновенного человека»; он «знает историю, философию, закон естественный и откровенный, законы и состояние своего отечества, чтит государя своим отцом и высшим начальником», в то время как образованный лишь «принял образ», свойственный обществу, в котором он живет и обращается, он знает все приличия «своего круга». Тем самым образованность имеет пределы – кто образован в одном круге людей, в другом таковым не считается. Если образованный хорош только в своем окружении, то просвещенный – повсюду, где бы он ни оказался. Также следует особо отметить, что образованный человек может быть *порочным*, а вот просвещенный не станет им никогда! Иначе говоря, образованность не избавляет от порочности, а вот просвещенность гарантирует добродетельность характера. Следовательно, всяк прочитавший эту заметку в «Северной пчеле» мог сделать вывод, что образование есть элемент необходимый, но не самодостаточный; образованные люди необходимы государству, но *не они его опора*. Оплот императора и правительства – люди просвещенные, и оттого власть нуждается, когда речь заходит о *преобразовании сознания людей*, в «системе просвещения», которая, по сути, есть результат сложения воедино образования и воспитания в духе безусловной преданности царю и отечеству.

Конечно же, статья Усова в «Северной пчеле» не являлась нормативной базой для руководства министерства народного просвещения, но точно выражала дух эпохи, установку сознания. Нормативной же базой служил другой «документ», в котором закреплялся *приоритет просвещения над образованием*. Если для эпохи Александра I «просвещение» оказывалось тождественным «разумному свободолюбию», то для Николая I «просвещенный» тождествен «верноподданному». И тогда становится понятно, что министерство, созданное для народного просвещения, должно содействовать подготовке людей для служения государству (престолу, царю, отечеству), которое в ответ дарует определенную степень свободы в рамках предписанного регламента. И университет в такой системе предпочтений – отнюдь не независимая корпорация ученых, к которой государство может обратиться за помощью, а подведомственное учреждение, *подчиненное министерству* собрание ученых, ранжируемых согласно «Табели о рангах», чья участь – не самовольное «искание истины», не беспечная жизнь «ради науки», а непрестанное служение государству посредством химических или физических опытов, экспериментов, математических расчетов, вы-

числений, переводов текстов и прочего. И не удивительно, что верноподданнические чувства становятся неременным элементом оформления текста, как, например, в предисловии к «Введению в науку философии» Сидонского, где мы читаем, что хотя изучение философии все еще оставляет желать лучшего и самостоятельных произведений не видно, но «при быстрых успехах просвещения, которым мы обязаны мудрому правительству, нельзя не ожидать, чтобы, наконец, не открылось и между нами расположения к собственным усилиям в сем роде умственных соображений, который известен под именем философии».

Эти и подобные утверждения в адрес «премудрого правительства» делались далеко не всегда от чистого сердца, но мы сейчас разбираем не чистоту помыслов, а состояние умов общества, общественное сознание, которое вынуждено существовать в условиях подчинения и контроля со стороны государства, вынужденного действовать так после событий декабря 1825 года. И мы не оцениваем государство как «реакционное» или «прогрессивное», а всего лишь выявляем совокупность его *реакций на события* и его *представления о прогрессе*.

На семь лет – с 1817 по 1824 год – главный надзорный орган образования уподобился стараниями князя Голицына привычному для нас, «византийцев», двуглавному орлу: одна голова – *Министерство народного просвещения*, другая – *Министерство духовных дел*. После расформирования «двойного министерства» вопросы управления православным духовенством передали в Синод, но дела иностранных исповеданий все еще оставались в его ведении вплоть до 1832 года, после чего отошли к Министерству внутренних дел. С 1824 года за народным просвещением стал присматривать член «православной дружины» адмирал Шишков, через четыре года его сменил генерал от инфантерии князь Ливен, немец и протестант, хранитель заветов Библейского общества, однако он оказался мало пригоден для дела образования и просвещения, в отличие от пришедшего ему на смену Уварова.

Будучи еще «товарищем министра», то есть заместителем Ливена, Уваров в марте 1832 года делает набросок письма на французском языке, чтобы представить императору свои соображения относительно принципов внутренней политики, в которой немаловажную роль играет и его ведомство. Чтобы Отечество усиливалось и благоденствовало, замечает он, нам следует придерживаться трех «великих государственных начал» – «национальной религии», «самодержавия» и «народности». Эта триада, идеологическая троика повторяется и в отчете о ревизии Московского университета, представленном императору 4 декабря 1832 года, где Уваров сообщает о необходимости наличия у нас «правильного, основательного» образования, которое следует соединить «с глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности». Ну, а на следующий день после 20 марта 1833 года, когда Уваров вступил в полное управление министерством, в циркулярном предложении, предназначавшемся для попечителей всех учебных округов, сообщалось, что общая наша обязанность состоит в том, «чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности». Уваров выразил уверенность, что каждый профессор и наставник, проникнувшись одним и тем же чувством «преданности трону и отечеству», использует все свои силы и дарования, чтобы сделаться «достойным орудием правительства и заслужить полную доверенность оногo»; что всяк на своем месте доведет преподавание вверенной ему науки или ремесла до совершенства, посвящая всего себя на образование юношества. Так новый министр сразу же четко определил, каковы критерии *истинного просвещения* для тех, кто работает, точнее, служит отечеству по его ведомству: образование юношества в духе «охранительных начал», изучение всего и вся таким образом,

чтобы прошедшие высшую школу оставались приверженцами «православия, самодержавия и народности» всю свою сознательную жизнь.

Конечно же, Уваров начинал не на пустом месте, и прообразы его «формулы» и сам дух отношения к образованию можно найти ранее, но только лишь он сформулировал витавшие прежде идеи, довел их до формулы и ловко ввел в оборот, предложив «антитезис» *liberté, égalité, fraternité* – этой галльской триаде, содержащей скрытый призыв к мятежу. Новая идеологема проводила и внутриполитическую демаркацию, переводя в разряд нежелательных фантазий внеконфессиональную *религиозность*, неразборчивое, отвлеченное *человеколюбие* и допускаемое мягкосердечием монарха опасное панибратство со стороны военных и ученых, *самовольно рассуждающих* о конституции и республике.

Минимальное участие государства в образовании

Выше мы рассмотрели модель системы образования при полном контроле со стороны государства, и за недостатком места я намеренно убрал из рассмотрения советское наследие. Безусловно, в обоих случаях мы имеем два варианта утопий: ретроспективную (времен Уварова) и проективную (советскую), в одной идеализируется прошлое, в другой – будущее, и нам следует избегать впадения в крайности, чтобы исправить положение дел в настоящем, воспринимаемом как кризис. Ну а что мы имеем сегодня? То, что государственного бюджета не хватает на содержание всех университетов, и вполне естественно в таком случае было попробовать одни вузы финансировать из казны, а других отпустить на самостоятельные заработки. В неизбежном споре, «какое образование обеспечивает лучшее качество – коммерческое или бесплатное, за государственный счет», часто указывают на Штаты. Еще бы – ведь, несмотря на высокую стоимость обучения, именно туда едут со всех концов света, привносятся в местную казну дополнительные миллиарды долларов! И это помимо своих граждан, получающих степени бакалавров и магистров.

Образование в Штатах является прежде всего сферой бизнеса, а здесь на первом плане всегда стоит вопрос о прибыли. Система высшего образования воспринимается в первую очередь как сфера выгодного вложения средств и, как показывает практика, затраты на диплом со временем вроде бы окупаются. В выигрыше от этого бизнеса университеты, студенты, да и само государство. После «11 сентября», когда у иностранцев – потенциальных студентов – возникли проблемы с получением американских виз, ректоры университетов довольно скоро настояли на встрече с госсекретарем США. Они не просто выразили ему свое неудовольствие, а назвали примерную сумму убытков, которые несут не только они, но и казна за счет недополученных налоговых отчислений. Цифра впечатляла, так что вскоре в этой сфере последовали соответствующие послабления.

Университет в Штатах почитаем как «храм науки», но прежде всего он – бизнес-структура. Оборот иного учебного учреждения сопоставим с деятельностью транснациональных корпораций. И сила влияния у университетов схожая, и социальный статус обладателя диплома высок. При всей демократичности общественного строя американцы понимают, что каждый получает в нем в зависимости от прилагаемых усилий и средств. И среди факторов, помогающих в успехе, не последнюю роль играет диплом о высшем образовании. Все это не гарантирует автоматически высоких доходов его обладателю, но повышает его возможности. Чем престижнее университет, тем выше цена получаемого, тем больше шансов с таким «билетом» устроиться на достойную и высокооплачиваемую работу, и пройденные учебные программы, зафиксированные в резюме или *curriculum vitae*, – как хорошая «кредитная история». И ради этого люди готовы к тратам: задолго до поступления в колледж откладывают деньги, ищут гранты, берут кредиты...

Вот и у нас в новых экономических условиях возник соблазн – а давайте сделаем так же, как там, за океаном, хотя бы частично! Государство давно устало от попечительства. В период «перестройки» оно даже лет на десять просто «забыло» об образовании, лишь приглядывая за этой сферой, но не особенно заботясь. Не будучи в состоянии обеспечить нормальное финансирование высшей школы, оно позволило вузам вести коммерческую деятельность. Земельные участки и корпуса сдавались в аренду, наряду с бюджетными студентами появились и «коммерческие». Число студентов возросло на порядок, вузы прирастали филиалами, сотнями появлялись новые университеты и академии. Но одностороннее решение проблемы (обеспечение дополнительных источников финансирования) обострило другие. За короткий промежуток времени возникло множество вузов, выдающих всем желающим дипломы, словно поздравительные открытки, а активная коммерческая деятельность то и дело вовлекала администрацию университетов в полукриминальные истории. Так что с возрождением государственности у нас вновь пришла пора наводить порядок в сфере высшего образования.

Но что можно сделать? Брать всех под государственную опеку или предоставить право самостоятельной коммерческой деятельности? Или только часть отпустить на вольные хлеба, а другую оставить за собой? Первое вроде бы уже как невозможно (бюджет не бездонная бочка), второй вариант пока отпугивает, а вот третий путь видится привлекательным – сохраняя контроль над образованием, государство ставит эксперимент, а там, если все получится, можно перейти ко второму варианту...

Рассмотрим вариант «коммерческой автономии» (выражаемый в девизе «зарабатывайте, сколько сможете, только платите налоги») в основном применительно к сфере гуманитарного образования. При либерализме государства этому сценарию развития событий благоприятствует еще и такое явление, как Болонский процесс (стандартизированная система оценки знаний, академическая мобильность, возможность студенту самостоятельно формировать свой учебный план и прочее). Как бы то ни было, сразу же следует отметить радикальное изменение модели в системе образования. Прежде всего предстоит отказаться от привычного многим типа взаимоотношений в «храме науки», когда переступающий его порог студент полностью принимает установленные правила игры, потому как он еще никто и ничто, *tabula rasa*, так сказать, пустой сосуд, и мудрые преподаватели наполнят его нектаром знаний, тем, что между ними считается нужным и важным. Но отныне все не то и не так, потому что поведение выстраивается согласно парадигме «оказания образовательных услуг». В данной системе взаимоотношений есть клиент (студент), и тот, кто берется за оказание услуг – университет в лице профессорско-преподавательского состава. Чем больше клиентов, тем лучше университету, тем полнее казна, тем выше зарплата сотрудников!

Но если рассматривать данный процесс не отвлеченно, а конкретно, то многие плюсы сразу же разлагаются как минимум на два минуса, а временные улучшения сейчас дают гарантированные ухудшения потом, приводящие к длительному и масштабному кризису. Причем, кризису не только системы образования, но и всего общества, потому как из высшей школы выходят те, кто завтра войдет в состав элиты страны. Возьмем такой количественный аспект, как «много студентов». Для казны университета это, безусловно, хорошо. Только вот, как показывает практика, аудиторный фонд при этом обычно остается неизменным, и где раньше сидело два десятка человек, теперь, после «уплотнения», сорок! В погоне за числом студентов забывают про санитарные нормативы, а от запредельной скученности и спертого воздуха спасением бывают разве что многочисленные прогульщики. На это администрация также старается не об-

ращать внимания: зачем отчислять студента, источник дохода? Погоня за количеством неизбежно приводит к появлению и такой проблемы, как рост среди учащихся числа маргиналов, а то и просто полукриминальных элементов, от которых страдают и нормальные студенты, и преподаватели.

В условиях рыночных отношений демократизация образования, когда вертикаль «преподаватель – студент» меняется на горизонталь «студент (заказчик) – преподаватель (исполнитель)», есть лишь проведение в жизнь в новой сфере известного всем девиза «клиент всегда прав». В прежней схеме образования (для либерально-рыночной модели она видится ныне уже не иначе как «тоталитарной», подавляющей свободную творческую личность) науку (знания, навыки) студенту как бы навязывали, а здесь к этому заботливо ведут, как капризного клиента, осторожно оказывая ему «образовательные услуги». Как в ресторане вам подают меню на выбор, так и в вузе новой формации студенты сами выбирают предметы (курсы). И студент наш, естественно желая наименьшего сопротивления, начинает выбирать из предлагаемого то, что «попроще». Кому из преподавателей захочется терять в зарплате? Так что постепенно все курсы «по выбору» будут упрощаться. Но и те предметы, что пока числятся в разряде обязательных, также эволюционируют в сторону упрощения, чтобы не раздражать «клиента» трудностью понимания. И никто не гарантирует, что и они не перейдут в категорию «по выбору», если потребуются удержать клиента или привлечь нового. Это ведь он деньги в университет приносит, а не преподаватель. Последний всего лишь получает возможность заработать!

Таким образом, залогом будущего процветания университетов является упрощение учебных программ. Что в итоге? Дипломированная армия посредственностей, которые вскоре начнут принимать решения, возьмутся за исполнение проектов федерального и регионального уровней. Судьба страны в таком случае будет предрешена. А потому, пока этот формат обучения («оказание образовательных услуг на рынке труда» с акцентом на «услугах», с плохо скрываемым «чего изволите?») не принял масштабный характер, надо подумать о возможных последствиях. В интересах все того же государства принимать решения стоит все же, согласуясь с мнением академического сообщества, а не корпорации чиновников. Придание нашей системе образования инновационного характера – хороший замысел, но инновации под контролем чиновников – утопия!

Оставив одни вузы на своем содержании, а другие отпустив на самостоятельные заработки, но сохранив за ними контроль посредством чиновников, ведающих правом лицензирования, государство уже задает проблему на будущее. Но даже без «товарищей», решающих за университеты, что и как в них преподавать, существует угроза качеству образования. Модель, когда студент – «заказчик», а преподаватель – «исполнитель», в принципе губительна, причем для обоих участников «сделки». Ведь если при прежней модели студент подтягивался до уровня преподавателя (что есть эволюционный момент, полезный для общества), то теперь преподавателю предстоит упрощаться, подстраиваться под запросы того, кто еще с точки зрения науки никто. А в этом заложена деградационная модель поведения. Негативные последствия скажутся не сразу, зато они неизбежны по наступлению и чрезвычайно губительны по результатам. Для того чтобы студент изучал не то, что ему «понравится», а то, что надо изучать, если хочешь достичь успеха в выбранной сфере деятельности, университет должен быть корпорацией интеллектуальной элиты, гарантирующей подготовку высококвалифицированных кадров, конкурентоспособных как на рынке труда, так и на государственной службе.

Какова роль России в будущем? Многое зависит от модели образования. Здесь прообраз нашего будущего. Реформа, безусловно, нужна, но пока на ее

формат мало влияет интеллектуальное сообщество, а без его активного участия любые инновации могут превратить путь великих реформ в блуждание по кругу.

Возвращение государства в образование?

Возвращаясь к началу, отметим, что формирование мировоззрения подрастающего поколения, вся идеологическая работа, пропаганда высших ценностей доверены были не Синоду, не Министерству внутренних дел или какому еще департаменту, а *Министерству народного просвещения*. Тем самым, посредством школьного и университетского воспитания, каждый год государство получало людей не просто образованных, а просвещенных – верных своему отечеству, готовых и умеющих служить ему в области науки, искусства и ремесел.

Конечно, не стоит делать прямых аналогий, подводить под схему и уповать на радикальное решение проблем в настоящем простым обращением к прошлому. Тем не менее предпринятая выше ретроспекция была сделана с проекцией на наше время, и история все же чему-то учит. И у нас не так давно была предпринята «вражеская вылазка», когда незначительная часть общества активно, агрессивно пыталась навязать большинству свой «образ страны», будучи «образованными» исключительно в либеральной модели, в которой отторгаются архаичные, как кому-то кажется, ценности, «бесполезные» метафизические понятия и признаются только практики, навыки, технологии (не важно какие, гуманитарные или инженерные), дающие ощутимые личные выгоды. Однако и нам следует предпринять выявление смысла слов «образование» и «просвещение» в свете социальных беспорядков, и нам следует извлечь урок из нашего недавнего «происшествия», да и ряда других событий, показывающих, что часть граждан таковыми не являются, они лишь «временно сожигательствуют» с нами, откровенно враждебны государству, где получили образование. Это и заставляет нас обратить, для нашего же блага, особое внимание на образование, которое ежегодно, систематически производит поколения антигосударственников.

В результате либеральных реформ мы получили Министерство образования, которое служит не государству, не отечеству, а рынку. Его стараниями система «народного просвещения» превращается в оказание образовательных услуг, сферу рыночных отношений, при этом проводится идеология «социальной активности» и «гражданского общества», но последнее почему-то приводит на практике к постоянному и агрессивному давлению на наше государство, другие же государства выступают как исключительно эталонные. И противодействие у «изначально недовольных» встречают любые инициативы государства, воспринимаемого как «абсолютное зло», как «социальное недоразумение», за которое стыдно перед прочими «прогрессивными странами», перманентно источающими высшие ценности и пребывающими в экономическом процветании.

Так что тем, кто живет у себя на Родине, пора обратить внимание на сферу образования. Вся система подготовки (начальная, средняя, высшая школа) должна не просто образовывать подрастающие поколения, а, выражаясь старым слогом, метафорически, «просвещать умы»: обучая наукам, искусствам и ремеслам, направлять молодые умы к служению своей стране. И хотя либеральная модель образования менее затратная, она опаснее для государства, и не только для него. Для «либерально-коммерческой учащейся молодежи», отформатированной под «гражданское общество», пережитком является не только государство, но и Россия, воспринимаемая как чужеродный «режим». Безусловно, не стоит выстраивать противостояние по линии «либеральное образование» и «консервативное просвещение», но все же необходим «консервативный поворот» в образовании, что означает смещение, перемещение

центра идеологии в систему обучения, а также соответствующее финансирование школы государством и дружественными ему корпорациями. Тогда и будет *российское образование*, которое делает страну могущественной державой – независимым, самостоятельным государством. Пока же установившийся тип обучения превратил Россию в поставщика «умного сырья» для зарубежных государств и корпораций. И «российское образование» означает здесь не региональную привязку – есть территория под названием Россия, «там тоже чему-то учат». Российское образование означает такое обучение, которое, учитывая мировой опыт, применяет его во благо России. Вот это и означает «консервативный поворот».

М.М. Мчедлова. Вы отметили, что те изменения, которые произошли в 1830-х годах, были ответом на восстание декабристов. Но там имел место еще один процесс, имевший прямое отношение к обсуждаемой нами теме, – строительство идеологии. Та идеология, которая была разработана для Николая I, по заказу Николая I, была существенным поворотом в позиционировании русской монархии имперского периода. Начиная с Петра I российские монархи позиционировали себя в универсалистских терминах, что имело соответствующее символическое и идеологическое оформление. Хочу привлечь внимание и к тому обстоятельству, что «Министерство идеологии» помимо функции образования имело еще и мощные функции в области цензуры. Цензура возникает тогда, когда Российская империя реагирует на вызов национализма, с которым сталкиваются все государства Европы. Меняется дискурс, меняется контекст, и возникает потребность в такой целенаправленной идеологической работе. И Россия шла в общеевропейском тренде. В век идеологии она вступала синхронно с Европой, хотя, безусловно, Россия делала это на свой манер.

В.В. Ванчугов. Николай, с определенными оговорками, был анти-Александром. Александр I пытался создать Большую Европу. Для него Россия есть не просто часть Европы, Россия и есть Европа. Отсюда Священный союз, отсюда универсальное пространство, надрелигиозная, надконфессиональная идеология. Николай I – это реакция на провал европейской России. Он начинает строить, так сказать, чисто российскую.

М.В. Ремизов. Хотя зачем тогда было подавлять Венгерское восстание в интересах австрийской короны, не совсем понятно...

И.Е. Дискин. Представлена очень важная конструкция, связанная с тем, как формировалась идеологическое лидерство в России. Но, с моей точки зрения, начинать все-таки надо не отсюда, а с более ранней попытки выстроить идеологическую конструкцию, собирающую российское общество. И в этом смысле крайне важно смотреть не только на попытки лидеров, но и на то, что из этого получалось. Первой такой попыткой был «Наказ» Екатерины, которая

попыталась предложить российскому обществу образец идеологии, построенной на ценностях эпохи Просвещения. Те, кто читал стенограммы обсуждения «Наказа», помнят, чем ответило общество на предложение сделать Россию просвещенной. В основном соревновались, как закрепить еще больше соотечественников. Здесь замечательно была развернута идея идеологического руководства в России. Но крайне важно посмотреть: а что было на деле? И ведь есть включенные наблюдения. Есть потрясающий документ – мемуары Феокистова, где верный сторонник линии консерватизма, сам цензор, сам академик, рассказывает, как идеи самодержавия, православия и народности были восприняты в студенческой среде. К сожалению, верных слуг монархии воспитывать не очень удавалось.

Проблема в зазоре между институциональными нормами и действующими социальными практиками, массовым общественным сознанием. В тот момент, когда зазор очень велик, институт, который призван воспитывать верных, становится институтом, воспитывающим бунтовщиков. Хочу напомнить, кем был Феокистов. Он был крепостным, отданным в гимназию, университет, и закончил свою жизнь действительным статским советником. Рекомендую всем, кто интересуется практикой российского консерватизма, прочесть этот бесценный документ, поскольку это включенное наблюдение, чем обернулась попытка не сильно просвещенного консерватизма воспитать поколение верных государевых слуг.

Коллеги, если кто интересуется, как в итоге Победоносцев оценил эпоху усилий в области просвещения, надо почитать стенограмму заседания Государственного совета 4 марта 1881 года. Одно из самых жестких консервативных заявлений относительно того, что делала наша система народного просвещения. Я считаю, не может быть консерватора, который не прочел эту стенограмму, где столкнулись на одном поле российские консерваторы и российские либералы.

О.А. Матвейчев. Когда я работал вице-губернатором, то как человек, который занимался идеологией, стремился двигаться в сторону просвещения, стремился притянуть

сферу образования и просвещения к идеологии. Потому что это гигантский, мощнейший инструмент воздействия на молодые умы. Кстати, можно вспомнить, как либералы в 1990-х годах в первую очередь захватили и разрушили систему образования, а не что-нибудь другое. Мне губернатор тогда сказал: «Ну, зачем ты будешь заниматься этим образованием? Это зарплаты учителям, это тарифы, масса всякой бюрократии». Собственно, именно этим и занимается федеральное Министерство образования. Чем угодно, только не содержанием образования, не идеологией, которые отданы на откуп вообще непонятно кому.

И вот Народный фронт, сам президент Путин начинают вмешиваться, говорят, что нужен единый учебник истории. Всё заболтали, через полгода ему говорят: «Ну, не получается, Владимир Владимирович, у нас единого учебника истории...». Но единый учебник истории – это не вопрос научной дискуссии. Научную дискуссию нужно оставить для университетов, для Академии наук – там пускай спорят о том, как на самом деле было. Учебник имеет воспитательно-идеологическую функцию, там должны быть мифы, полезные для государства, воспитывающие гражданина Российского государства.

И.Е. Дискин. Давайте все-таки пойдем, в каких терминах пытаются наши оппоненты действовать. Они говорят о школе компетенции. Водораздел здесь очень простой. Школа – это институт вторичной социализации. Представление об обществе выстраивается только в школе. И семья проблему вторичной социализации решить не может. Давайте доносить до руководства простую вещь: не существует другого института вторичной социализации, то есть превращения человека в часть общества, способного взаимодействовать с государством. Эффективность школы должна определяться простым обстоятельством – уровнем интеграции граждан в обществе.

Кстати, в этом смысле учебника истории, учебника литературы, учебника обществоведения и всех курсов гуманитарных дисциплин. Они должны быть выстроены в рамках единой концепции социальной интеграции детей. Во всех модернизационных проектах первой задачей

было – выстраивание адекватных механизмов социализации и адекватных проектов видения будущего, видения своей страны. При этом школа должна захватывать воображение подрастающего поколения, знакомить с поэтами, писателями, художниками. Целостная картина мира должна в школе формироваться.

С.Ф. Черняховский. Не уверен, что Пестель и Рылеев были антигосударственниками. В них, по-моему, этатизма было побольше, чем в Уварове. И вряд ли их можно назвать прозападными либералами. Десять лет диктатуры у Пестеля и конституционная монархия у Рылеева – все-таки это проекты имперского государства-модернизатора. И в этом смысле победа, условно говоря, Николая и Уварова это была победа над идеей сильного модернизирующегося государства. Что дала на выходе уваровская триада? Она дала сильное государственничество? Если Лицей породил декабрьское восстание, то уваровская триада породила разночинцев 1860-х годов, Каракозова и так далее.

По поводу единого учебника истории. В принципе я «за», но здесь возникает вот какой вопрос: другие представления об истории, тоже мифологизированные, могут быть в семье. А еще что-то бытует в СМИ. В школе ребенку будут рассказывать одну концепцию истории, а дома ему папа скажет, даже если он не будет профессором политической науки: «Что за чушь тебе в школе рассказывают?». И ребенок при прочих равных поверит папе. А после этого он уже не будет верить и в то, что будет в школьном учебнике физики.

Школа должна давать что-то новое. Но бесполезно будет, если школа будет противопоставлять себя. Она должна работать в дополнение. И поэтому, если говорить о едином учебнике истории, мне кажется, есть некие вещи, которые надо четко обозначать как единое, как путь успехов страны. Россия существует тысячу лет и при этом одна из самых могущественных и материально преуспевающих стран мира. Значит, общий итог позитивен. Значит, история может подаваться как история побед и достижений, иногда купленных дорогой ценой. Но есть вопросы, по которым существует явный раскол, и здесь следует фиксировать наличие

расхождений, говоря, что это сложная тема, которую надо разбирать, и для размышлений давать конкретную историческую информацию, позитивистски. И должна быть стыковка с Конституцией. Если школьный курс будет расходиться с Конституцией, он воспитает противников системы.

Д.А. Юрьев. Хочу вернуться к исходному выступлению. Был задан вопрос: кто отвечал за идеологию? Мне же хочется задать другой вопрос: а как вообще оформилось в русской политической истории понятие «идеология», с какого момента можно это отсчитывать? Именно как политическая идеология, как политическое сознание, проводимое в жизнь каким-то образом? Мне кажется, ответ здесь очевиден и банален – это Петр. До Петра то, что можно называть массовым сознанием, формировалось исключительно обыденными практиками и практиками церкви. Петр взял на себя функцию хозяина страны, привносящего в нее некие новые смыслы. И все последующие российские государи были наследниками Петра. Они могли делегировать эти полномочия, но ответ на вопрос: кто занимался идеологией в России? – начиная с Петра был один: ею занимался царь.

Второй важный момент: идеология, политическое мышление, политика, отдельная от некой архаичной практики, – это некий псевдоморфоз послепетровский. И дальше вся история идеологии в царской России и все те развилки, о которых мы сегодня говорили, – это вопрос успешности или неуспешности имплементации этого псевдоморфоза в российскую действительность. Екатерина II совершила огромное дело – петровский европеизм включила в российскую практику на основании известных конвенциональных моментов. Именно она породила конвенциональную систему, достигла договоренностей, и после этого петровские установления перестали быть царской прихотью.

Николай I, столкнувшись с вызовом декабристов, был вынужден заняться второй серией. Он это сделал не так, как сделал бы Пестель, а попытался имплементировать в практику. Здесь мы сталкиваемся с трагедией русского консерватизма, которому консервативными методами приходилось навязывать обществу какие-то практики, какие-то способы суще-

ствования, не выросшие у него изнутри, привезенные снаружи. Может быть, именно поэтому такая трагическая, глубокая и очень ответственная работа, которой занимались русские консерваторы, начиная с Уварова до Победоносцева, закончилась, в конце концов, первым марта, а потом и седьмым ноября.

Когда мы сейчас говорим обо всем, что связано с просветительской ответственностью государства, я совершенно согласен, что функция идеологического обеспечения, народного просвещения может быть даже более важна, чем функция обеспечения национальной безопасности. Потому что она задает рамки этой безопасности, задает ее основу. Все остальное ограждает национальную безопасность с боков, а народное просвещение обеспечивает фундамент, потому что можно со всех сторон все оградить, а потом, как в августе 1991 года, все просто уйдет в болото и выйдет с другой стороны.

М.М. Мчедлова. По поводу графа Уварова. Граф Уваров, будучи министром просвещения, плохо говорил по-русски. Над ним смеялись и говорили: «Как этот вольтерьянец, плохо говорящий по-русски, может вырастить русскую идею, да еще в консервативной ипостаси?». Оказалось, что не только может, но и мы до сих пор находимся во флере той триады, которую предложил Уваров. Говорят, нет пророка в своем отечестве. Мне кажется, это тот же вопрос, который ставился у нас с начала 1990-х годов: о кадровом обеспечении реформ, о кадрах, которые могли бы осуществлять модернизационные проекты. В этой связи хотела бы вспомнить Сперанского, который предложил проект конституции и очень рассчитывал на поддержку и народных масс, и царя, и Государственного совета. Почему он потерпел поражение? Ключевский пишет, что у него в этой замечательной конституции был один большой изъян – политическая мечта. Соотношение политической мечты и реальных политических практик – это очень большая проблема. Еще один момент, на котором я хотела бы остановиться. В докладе Иосифа Евгеньевича Дискаина был затронут вопрос о человеческом капитале. Сегодня человеческий капитал на 95% формируется образованием. Обеспечить

конкурентоспособность может только образование. И это образование должно отвечать запросам конкурентоспособности.

И вопрос о едином учебнике истории. У нас было большое исследование. Как ни странно, в обществе есть запрос на единый учебник истории. Более того, есть запрос на концептуально выстроенный учебник, содержащий консолидирующие символы, те самые мифы. Знаменитая книга профессора Мейера из Брюссельского университета начинается следующими словами: вопрос об исторической памяти всегда имеет плохую прессу. Почему? Потому что, как только речь заходит об исторической памяти, сразу возникает вопрос об идеологических манипуляциях. Действительно, это так. Но я не знаю ни одного государства, которое не занималось бы в учебниках истории идеологическими манипуляциями, чтобы обеспечить единство и дальнейшее развитие.

Хотела бы напомнить, что сегодня консолидирующие символы в обществе достаточно размыты. Когда проводили исследование, мы столкнулись с очень интересными моментами. Что можно внести, кого можно инкорпорировать в учебник истории? Оказывается, кроме Александра Невского, основного реферативного образца нашей культуры, и то, как вы помните, искусственно сконструированного сразу же после войны 1812 года, других символов очень мало: Илья Муромец, Гагарин, Суворов, Кутузов. Плюс несколько побед в Великой Отечественной войне. Речь идет именно об общих консолидирующих символах. С другой стороны, у нас имеет место колоссальная диверсификация смыслов и символов. Вопрос – как это собрать и выстроить?

Э.Г. Соловьев. Коллеги, если позволите, я отреагирую не на само выступление, а на ту дискуссию, которая здесь развернулась. Во-первых, по поводу идеологического содержания в деятельности отечественных монархов. Честно говоря, я бы тут поспорил и по поводу Петра, и последующих персонажей. Если уж так глубоко копать, а никонианская реформа церкви во времена Алексея Михайловича? А вот что Петр привнес, это как раз понятие эффективности и конкурентоспособности. Если раньше конкурентоспособность в меньшей степени

волновала отечественный правящий класс, то с петровских времен стремление стать вровень с Европой стало чрезвычайно значимо.

Что касается образования. Школьную часть затрагивать не буду, потому что абсолютно согласен, что это важнейший инструмент социализации. И, по-моему, здесь даже не о чем спорить – спорить можно о содержании учебников, а не о сути явления. А вот что касается университетского образования, то здесь в дискуссии забыли главное. Основная проблема ведь так и не была решена – проблема, заявленная, в том числе, докладчиком: создание законопослушного и эффективного гражданина, или подданного – применительно к XIX веку. Ни в российском университете, ни в советском, несмотря на огромное внимание государства к этой проблеме, несмотря на колоссальную идеологическую индоктринацию в советский период, университет не работал как индоктринирующий инструмент.

По-моему, это даже ложная проблема. Мне попадались публикации, хотя я специально не занимался этой проблематикой, о том, как в странах третьего мира функционирует то, что у нас принято называть интеллигенцией, или какими-то элементами интеллектуального сообщества. Они все ориентированы на Запад. Почему? Значительная часть получает образование на Западе – это отдельный вопрос. Запад – это производство знаний, производство смыслов. А эти ребята занимаются только рецепцией. Поэтому Запад для них всегда это такой свет в окошке, на который они обращены вне зависимости от того, уделяет тамшнее государство внимание их идеологическому воспитанию или нет. Поэтому, может быть, следует как-то с другой стороны подойти к решению этой проблемы, а не только акцентировать внимание на государственном воздействии на университет.

В.В. Ванчугов. Для нас Уваров важен не как исторический персонаж. Важно, что именно он сформулировал. Я же не говорю, что это был идеальный эксперимент. Только Уваров сформулировал свою триаду, как в Питерском университете высказывает Адам Фишер, приехавший из Германии, и начинает создавать философию на уровне православия, самодержавия, народности. Слишком резво все побежали,

восприняли как некий заказ. Студенты прекрасно всё это понимали. Выходит профессор филологии и начинает: православие, самодержавие, народность... Эксперимент проводился в спешке.

Прозвучало также, что в результате это все привело к воспитанию разночинцев, нигилистов. Нигилистов другое воспитало. Все упускают из виду еще один замечательный эксперимент: когда в 1848 году были волнения в Европе, решили, что философия является разносчицей революционной заразы, и в российских университетах запретили философию. Десять лет ее не было, ставка делалась на естествознание. В результате каждый год из университета выходила новая плеяда циников, для которых никаких метафизических истин не существовало. Эти люди были жесткими прагматиками, ничего святого. Это те, кто потом делал бомбы.

Это был некий социальный опыт, который было бы полезно внимательно изучить, сделать проективный, ретроспективный анализ.

О.А. Матвейчев. Следующий докладчик – Дмитрий Александрович Юрьев.

М.А. Юрьев. Уважаемые коллеги, сегодня здесь звучали пожелания воздерживаться от публицистики в стиле телевизионных дискуссий. К сожалению, тема такова, что совсем от этого удержаться не удастся, поэтому прошу рассматривать мой доклад как в некотором смысле идеологический макет. Мне представляется, что некоторые кажущиеся простыми вещи необходимо обстоятельно проговаривать.

Может быть, мы рискуем здесь слишком простыми обобщениями отделаться, но для этого собственно и идет обсуждение, чтобы эти простые обобщения сделать более глубокими и системными. Я хочу представить сегодня некий взгляд на проблему вызова для русского консерватизма. Сегодня здесь не раз звучало, что консерватизм реакционен, реагирует на вызовы. Можно ли выделить некий главный вызов на протяжении всей истории русского консерватизма, начиная с Уварова и заканчивая нашими днями?

Мы сегодня выходим на новый уровень осмысления консерватизма – он утрачивает черты идеологического новодела, каковым до недавнего времени оставался. Более того, на конкретизирующей прямо на наших глазах посткрымской политической карте России консерватизм находит себе достаточно четкие разграничения. Если не так давно это было некое самообозначение для партии власти – попытка сохранить позиции начальства и так далее, – во всяком случае, это так воспринималось, – то сейчас это посткрымское большинство, ударным образом возникшее, структурировано и неоднородно. Среди поддерживающих власть оказались очень разные силы, от левых радикалов до националистов-популистов. И не случайно, что гораздо более определенно стал высказываться В.В. Путин. Именно он стал главным спикером по консерватизму как основе российской политической идеологии. Поэтому вопрос о ролевой функции консерватизма в российской политической дискуссии сейчас очень важен.